

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К ЖИЗНЕННОЙ ЭПОПЕЕ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
I. ИСПОВЕДЬ ОТЩЕПЕНЦА	17
Исповедь	17
Отношение к фактам личной жизни	19
Отношение к бумагам	20
В глубине и за кулисами истории	22
II. МИР	25
Начало мира	25
Я сам себе государство	27
Социальный отщепенец	28
III. В «МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ»	31
От Пахтино до Нью-Йорка	31
Российская глушь	34
Неадекватность эпохе	36
Труд	37
Революция	38
Наша родственная группа	38
Род Зиновьевых	42
Наш дом	44
Отец	45
Мать	46
Дети	49
Внуки	51
Семейный коллективизм	51
Чистоплотность	53
Веселая бедность	54
Я	54
Учеба	56
Задатки	57
Роль в коллективе	58
Самовоспитание	59
Коллективизация	60
Достоинства колхозов	63
Отношение людей к колхозам	64
Верующий безбожник	66
Эволюция деревни	69
Новый Ломоносов	70

IV. В СТОЛИЦЕ ИСТОРИИ	72
Историческая претензия	72
В Москве	74
Год ужаса	76
Проблема самозащиты	78
Переодетый принц	81
Первые открытия	83
Школа тридцатых годов	84
Мои школьные увлечения	88
Общественная работа	90
Внешкольные увлечения	91
Идейное воспитание	92
Мой детский социальный опыт	96
Жизнь страны	100
Смех сквозь слезы	101
Идейный «запой»	102
Настоящий коммунист	104
Юношеская дружба	107
Первые литературные опыты	107
Юношеская любовь	110
Знакомство с марксизмом	113
Проблемы коммунизма	115
Запад	118
Одиночество	120
V. ПЕРВЫЙ БУНТ	121
Бунт	121
Зарождение антисталинизма	122
Предвоенный призыв	124
Выбор пути	125
Куда мы движемся	126
Сущность нашей революции	129
Проблема диктатуры пролетариата	134
Проблема партии	137
Кризис	139
Идея терроризма	142
Смутные замыслы	143
Конец любви	146
Заговор	146
Первая провокация	148
Следствия срыва	150
Вторая провокация	151
Арест	152
Тридцать лет спустя	153

Размышления на Лубянке	153
Отчаяние	156
Идея мести	157
Что я есть	158
Побег	159
Второй год ужаса	159
Последний шанс	160
VI. АРМИЯ	163
Возрастной хаос	163
Модель общества	164
Начало нового этапа жизни	166
Идеальный образ и реальность армии	171
Прибытие в полк	174
«Академики»	175
Бунт	177
Образцовый солдат	177
Творчество	180
Учения	181
Зарубежный	183
Дружба	184
На запад	186
Перелом	188
Накануне войны	189
VII. ВОЙНА	191
Начало войны	191
Авиация	195
Трагикомизм жизни	196
«Гусарство»	201
Натура общества	204
Моя натура	205
Германия	207
Последние бои	210
Первые дни мира	211
Исторический гост	211
Социологические размышления	214
О войне	215
За что боролись	217
Сила и слабость	218
Знать и понимать	221
VIII. МИР	222
Начало мира	222
Решающий шаг	224

Возвращение в Москву	226
Сумасшедшие годы	230
Как стать писателем	235
Душевный кризис	236
Судьба русского гения	238
Судьба русского воина	239
Пьянство	240
Оживление антисталинизма	244
Тайный агитатор	246
Рискованный смех	247
Трезвость	247
Уход в логику	250
Накануне «оттепели»	252
Диссертация	253
Сталинские кампании	254
Смерть Сталина	255
IX. ЮНОСТЬ КОММУНИЗМА	256
Мой антисталинизм	256
Мой подход к эпохе	257
О терминологии	258
Социальная революция	261
Власть и управление	264
Сверхвласть	267
«Органы»	268
Номенклатура	268
Культ Сталина	269
О доносах	270
Насилие, право, мораль	270
Сталинский тип руководства	271
Культурная революция	272
Идеологическая революция	273
Идеология вместо религии	277
Историческое искушение	278
Историческое творчество	279
Масштабы эпохи	281
Ленин и Сталин	282
Анекдоты сталинских лет	282
Общий вывод	284
X. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД	285
Эволюция страны и личности	285
После смерти Сталина	286
В идеологических кругах	290
Моя жизнь	291

Институт философии	293
Антисталинистское движение	294
Быт	296
Хрущевский «переворот»	299
Наша реакция	301
Оптимистические годы	302
Дружеские отношения	305
Работа	306
Забавный курьез	309
Шутовская форма научной теории	310
Колхозы	311
Идеальный коллектив	313
Прорыв	314
Социальные перемены	316
Хрущевская «перестройка»	320
Хрущев и хрущевский период	322
Анекдоты хрущевских лет	324
Быт	325
Проповедник	328
Потеря идеалов	329
Направление личности	331
Растерянность	333
Идея элитарного общества	334
Решение проблемы	336
XI. МОЕ ГОСУДАРСТВО	338
Формула жизни	338
Отношение к обществу	339
Мой путь	342
В советской идеологии	346
Шутовское отношение к марксизму-ленинизму	347
«Зиновьяога»	351
XII. ЖИЗНЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	360
Брежневский «переворот»	360
Брежнев и брежневизм	362
Анекдоты о Брежневе	365
Творческий подъем	366
Мое окружение	367
Либеральная фронда	369
Кафканье	370
Невежество есть сила	372
Время «кукишей»	376
Ольга	377
Иностранцы в нашем доме	379

Попытка приобщения к марксизму	380
Последствия	381
Конфликт с «либералами»	382
«Невыездное лицо»	384
Бунтарские годы	385
Диссидентское движение	387
Моя позиция	388
Брежневские карательные меры	390
Двойственность положения	390
Проблема соучастия	392
Профессиональный конфликт	395
Ради чего	399
Отщепенец	401
Первый коммунистический кризис	402
Идеологический кризис	404
Моральный кризис	406
Социологические исследования	406
XIII. «ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ»	410
Поворот к бунту	410
Обращение к литературе	411
«Зияющие высоты»	415
Социологический роман	418
Вымысел и реальность	420
Синтетическая литература	422
«Спокойная» пауза	423
Пропавшие части, исправления и дополнения	424
Кризисные месяцы	425
Остракизм	427
Ученые и писатели	431
Родственники	434
«Простые» люди	436
Внутренняя эмиграция	436
Литературная работа	444
Эмигрантская волна	446
Последние дни на родине	450
Послесловие	452
ГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ А. ЗИНОВЬЕВА	456

Ольга Зиновьева,
хранитель литературного и научного наследия
Александра Зиновьева

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К ЖИЗНЕННОЙ ЭПОПЕЕ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ

Это откровенный рассказ дорогого и самого любимого, неповторимого, исключительного во всех отношениях – главного Человека в моей жизни.

Именно поэтому писать предисловие к такой особенной книге **«Исповедь Отщепенца»** оказалось и просто, и невыносимо сложно.

Александр Зиновьев был человеком невероятной гармонии и элегантной простоты. Его космическая Робинзонада, или, говоря современным языком, «блокбастер», началась в богом забытой глуши, в «медвежьем углу», по определению самого Салтыкова-Щедрина (кому придётся поверить), тем более что и Александр Александрович не без удовольствия часто именно так и называл это место – деревню Пахтино на просторах Костромской области. Особенная деревня, где в, казалось бы, крестьянском – правда, огромном – доме собирались, читались и хранились сокровища русской и зарубежной литературы, которой взахлёб зачитывался жадный до знаний мальчик.

И вот буквально с этих строчек его воспоминаний и начинаются для читателя определённые сложности в попытке понять особенность человека из российской глуши, феномен костромского Ломоносова, пришедшего к вершинам современной науки и культуры, создавшего свою логику – комплексную, физическую, социологическую; не побоявшегося заявить официально, что он доказал принципиальную недоказуемость и неразрешимость Великой Теоремы Ферма, и не только. Молодой дерзкий человек, бросивший вызов своему времени; советский офицер, лётчик-штурмовик, освобождавший изнасилованную фашизмом Западную Европу; человек, создавший бессмертный роман **«Зияющие высоты»** и породивший новое направление в мировой литературе;

изгнанник, переживший пять покушений; мыслитель, всей своей жизнью бесстрашно и целенаправленно восходивший на свою Голгофу...

Этот невероятно красивый, пронзительно честный наш современник, из деревенской школы в 11 лет отправился учиться в Москву, т.к. его не по возрасту интеллектуальные способности буквально смутили школьного учителя, пришедшего к Апполинрии Васильевне, удивительной матери удивительного сына, чтобы настойчиво рекомендовать отправить этого мальчика в московскую школу...

Я не хочу и не буду забегать вперёд, торопливо пересказывая уникальную и искреннюю, честно написанную книгу, – «**Исповедь Отпепенца**», прошедшего и претерпевшего все муки семи кругов ада на земле, но и награждённого счастьем научных и творческих открытий, их всемирным признанием; гражданской казнью изгнанным из страны победившего социализма и с последующим победным возвращением 21 год спустя на Родину, когда ей было очень плохо.

Однако есть несколько моментов, которыми мне хочется поделиться с читателем, предваряя эту уникальную жизненную эпопею.

Во второй половине 1989 года к Александру Александровичу обратился владелец французского издательства «Плон» г-н Орбан, предложивший моему мужу за внушительный гонорар издать в его издательстве мемуары. Причём, условия написания были в известной мере довольно жёсткие, я имею в виду кратчайшие временные рамки.

Своевременность этого заказа Оливье Орбаном, владельцем издательства, была поразительна: Александр Александрович «томился» в желании поработать фронтально, объёмно и всеохватывающе именно в направлении мемуаров, хотя и подтрунивал над собой, что, мол, и он дрейфует в сторону этого жанра. Переводчиком на французский язык была выбрана известная славистка Галина Аккерман.

Но я назову и ещё одну преинтереснейшую деталь этого решения: издание мемуаров по-своему оказывалось роскошным подарком к рождению нашей второй дочери Ксении, ставшей поистине чудесным, неожиданным явлением в нашей судьбе, тем более что молодому отцу было 68 лет... Я сказала ему тогда, при

принятии приглашения на издание мемуаров, что у нас кроме феноменальной книги наверняка ещё родится необыкновенный, особенный ребёнок, какие рождаются только у очень возрастных родителей: на момент появления на свет Ксении нам вместе было 113 лет. К талантливой 19-летней нашей дочери Полине прибавилась в конце апреля 1990 года её ярко одарённая младшая сестра Ксения.

Попытайтесь представить себе психологическое состояние человека, опалённого огромной жизнью, переполненной грандиозными событиями в истории нашей страны, как-то: коллективизация, изгнание семьи из родового гнезда в деревне Пахтино; громыхающая индустриализация, выведившая дореволюционную Россию из патриархального, аграрного полудремотного состояния в страну новостроек, плана ГОЭЛРО, открытий, доступного образования, освобождения женщин из пут домостроя, – с одной стороны. И рассказ на комсомольском собрании в ИФЛИ об оборотной стороне советской медали – раскулачивание, уничтожение церковных приходов, новомодные жулики в кожаных тужурках с красными мандаматами и наганами в руках; мешок мякины за сотни трудодней, тяжко заработанных детскими руками в деревне; арест и побег из всевидящего ЧК-ВЧК-ОГПУ...

А ещё жадное поглощение книг, знаменовавших собою ЗНАНИЕ, ИСТОРИЮ, ЛИТЕРАТУРУ, ФИЛОСОФИЮ.

А потом плюс ко всем переживаниям довоенного периода опыт Великой Отечественной войны со всеми её страшными и до конца его жизни незажившими душевными ранами: предательство и присосавшиеся к наградам тыловики из политотделов в военных френчах.

В декабре 1989 года нам в Мюнхен позвонил Бернар Пиво, автор и ведущий популярной интеллектуальной телепередачи «Апостроф» на Канале-2 французского телевидения (передачу смотрела вся просвещенная европейская публика). Он же и главный редактор литературного журнала «Лир», в котором печатался Александр Зиновьев. Он пригласил мужа, автора только что опубликованных мемуаров **«Исповедь Отщепенца»**, на свою передачу.

Александра не было дома, потому я задала вопрос г-ну Пиво, а кто ещё, как это принято в его ярких программах, будет принимать участие в дискуссии. Услышав имя другого участника, я

сильно удивилась абсолютно неадекватной фигуре для диалога и откровенно сказала Пиво, что Борис Ельцин – это был он! – ну никак не вписывается в разговор с русским мыслителем, чьи произведения издавались огромными тиражами, чьи книги преподавались в лицах и университетах Франции, он был ярким медийным собеседником. Зиновьева обожала молодая аудитория, с его мнением считались на высоких политических и академических уровнях в Европе и не только.

Я могла и не предупреждать г-на Пиво, что для Ельцина это не его «весовая категория», но мы были хорошо знакомы, потому-то я и решила на ремарку, добавив, что Ельцин красноречием и грамотностью не отличается. Он явно проиграет в этой дуэли. Бернар Пиво сказал, что в передаче будет фигурировать и книга Ельцина.

Когда Зиновьев узнал о приглашении (Бернар Пиво перезвонил, чтобы услышать подтверждение мужа на участие в передаче 26 февраля 1990 года), вначале он рассмеялся, понимая, что ему придётся общаться с малопривлекательной, вздорной фигурой, усиленно раздуваемой на Западе как борца с номенклатурой и заржавевшей советской властью. А потом решил, что это в конце концов даже любопытно – щёлкнуть по носу партийного функционера... Что и говорить, разгром был полный, даже было немного жаль этого революционера, боровшегося с привилегиями высшей власти в Советском Союзе.

После передачи, которую смотрели в прайм-тайм, как нам сказали, миллионы зрителей образованной Европы, беспощадные и острые на определения французы нарекли незадачливого борца с советской номенклатурой «Тартареном из Тараскона»...

Ельцин больше никогда публично не выступал на телевидении с представителями высшей лиги интеллектуалов.

*О.М.Зиновьева
руководитель Международного научно-образовательного
центра имени А.А.Зиновьева,
философский ф-т МГУ имени М.В.Ломоносова,
президент Межрегионального центра науки и культуры
«ЗИНОВЬЕВ-ЦЕНТР»,
со-председатель Зиновьевского клуба
МИА «Россия сегодня»*